

Хорошее представление ведь только начинается, с чего бы ему заканчиваться.

Гу Янцин спал невероятно крепко, проснувшись лишь тогда, когда палящее солнце поднялось высоко в небо.

Едва очнувшись, он сразу почувствовал неладное, так как рядом с ним явственно ощущалось теплое живое тело. В его постели кто-то был! В испуге он резко проснулся и широко открыл глаза.

Перед его взором предстало лицо, озаренное крайне сияющей улыбкой.

Гу Шаоянь.

Как этот человек вообще оказался в его постели?! Охваченный изумлением, Гу Янцин шевельнулся — и тут же ощутил тупую боль в пояснице, а в самом сокровенном месте кольнула боль...

Гу Янцин закрыл глаза и глубоко выдохнул. Открыв их снова, он снова увидел все ту же глуповатую улыбку Гу Шаояня.

Гу Янцин: — ...

На это было больно смотреть!

Гу Янцин попросту отвернулся. На душе скребли кошки, говорить не хотелось вовсе, и он приподнялся, намереваясь встать с постели.

Гу Шаоянь, хоть и находил забавным наблюдать, как Гу Янцин попадает впросак, всё же не забыл о своей цели и, действуя быстро и ловко, обнял Гу Янцин сзади.

Гу Янцин прищурился и произнес: — Отпусти.

— Не отпущу.

Гу Янцина чуть не разобрал смех от злости. Раньше он считал Гу Шаояня лишь заносчивым, наглым и напрашивающимся на неприятности наглецом, но, пообщавшись с ним в последнее время, понял, что временами тот ведет себя сущий ребенок.

Из-за спины донесся приглушенный голос: — Тебе сейчас... нездоровится, куда ты собрался?

— А то, куда отправляется этот слуга, как-то связано с Вашим Величеством?

Гу Шаоянь тут же изобразил крайнее беспокойство: — Конечно связано, мы же прошлой ночью...

— Прошлой ночью ничего не было, — холодно бросил Гу Янцин.

Сразу после этого он заметил, что человек за его спиной внезапно замолк, а обнимавшие его руки разжались. Чувствуя себя несколько неуютно, он всё же встал с ложа. Нательное белье на нем было совершенно чистым, тело — легким и свежим, очевидно, его уже привели в порядок. Гу Янцин на мгновение замер, но затем как ни в чем не бывало продолжил одеваться. К тому моменту, как он закончил, этот человек всё еще хранил молчание.

Гу Шаоянь всегда превосходно разбирался в человеческой психологии. В подобных

обстоятельствах отступление ради наступления было лучшей тактикой, да и то, что Гу Янцин сегодня утром сохранял такое спокойствие, само по себе стало приятным сюрпризом. Теперь ему требовалось лишь изобразить из себя обиженного. На самом деле, чем ближе Гу Шаоянь узнавал Гу Янцина, тем сильнее убеждался, что этот человек гораздо мягкосердечнее, чем кажется. Это происходило еще и потому, что Гу Шаоянь безошибочно бил по его уязвимым местам — когда кто-то искренне хорошо относится к нему, он начинает дорожить этим человеком.

Что касается самого Гу Янцина, то большинство близких ему людей подчинялись его методам, а остальные — испытывали благоговейный трепет. Ни те, ни другие не проявляли к нему особой заботы: первые были не способны на это в силу самой природы их отношений, а вторые считали, что Гу Янцин в ней не нуждается. Те же, кто питал к нему романтические чувства, обычно любили лишь мягкую маску Гу Янцина, что в общем-то было трагедией человека, вынужденного вечно носить личину.

Однако образ глубоких чувств, созданный Гу Шаоянем, кардинально отличался. Он видел коварное сердце, скрывавшееся за этой мягкостью, но все равно любил его — разница была очевидна. Даже Не Юйхэ всегда знала лишь его добросердечную сторону и выказала крайнее удивление, когда он поднял мятеж.

Гу Янцин уже собирался уйти не оглядываясь, но, бросив взгляд на Гу Шаояня, все же произнес: — ...Я не похож на тех твоих женщин.

— Конечно не похож! — с абсолютной уверенностью отрезал Гу Шаоянь, не отрывая глаз от Гу Янцина.

Как главный герой, Гу Шаоянь, разумеется, обладал привлекательной внешностью. Его персиковые глаза излучали легкомысленное и пылкое очарование, но стоило ему сосредоточить взгляд на ком-то одном, как тому начинало казаться, что во всем мире для него существует лишь этот единственный человек. В прошлом первоначальный владелец тела с помощью этого коронного приема охмурил немало девиц, а теперь Гу Шаоянь применил его против самого Гу Янцина.

И тут Гу Шаоянь добавил: — Ты мне нравишься.

Голос прозвучал негромко, но для Гу Янцина это прозвучало подобно раскату грома.

Он сжал губы, скривил лицо в насмешливой улыбке и произнес: — Нравлюсь? Всех этих певичек и танцовщиц из твоего Внутреннего дворца — их ты разве не любишь? Тебе не кажется смешным говорить такое?

Выражение лица Гу Шаояня ничуть не изменилось, он лишь ответил: — Если тебе это не нравится, я могу отпустить их всех. Гу Янцин на мгновение потерял дар речи. Хотя он знал, что Гу Шаоянь равнодушен к нему, ему всегда казалось, что тот хочет лишь держать его при себе в качестве смазливой любимчика, но теперь он услышал такие слова. Ему хотелось высмеять Гу Шаояня за эти сладкие речи, которые тот даже не утруждался приукрасить, но, встретившись взглядом с этими чистыми глазами, он мог лишь молчать.

Он вдруг вспомнил то, о чём вчера докладывали его люди: хотя Гу Шаоянь и заходил к наложнице Дэ, он просто посидел там, ничего не делая, а позже всё равно пришёл к нему.

Гу Шаоянь продолжил: Я знаю, что для тебя это звучит смешно. Мы ведь заклятые враги, а я говорю о каких-то чувствах. Но я не обманываю тебя и не нуждаюсь в подобных уловках, чтобы

обмануть. Верь или нет, но после прошлой ночи я не хочу больше ничего скрывать. Возможно, ты уже кое-что забыл, но я не забуду этого до конца своих дней. Его тон был ровным, в нём чувствовалось беспрецедентное спокойствие. Я также знаю, что после прошлой ночи ты наверняка возненавидел меня до предела, но для меня это было величайшим счастьем. Я знаю и то, что всё это время ты терпел меня. С этого момента... я больше не стану докучать тебе, и сегодня ты можешь покинуть Внутренний дворец.

Сказав это, он повернулся спиной, словно больше не желая видеть Гу Янцина.

В комнате долго царила тишина, пока вдруг не раздался голос: Я останусь во дворце.

Гу Шаоянь с недоверчивым лицом поднял взгляд.

Гу Янцин же слегка улыбнулся, и эта улыбка была прекрасна, как распускающиеся весенние цветы, затмевая собой тысячи персиковых деревьев.

Уровень благосклонности цели задания повысился на 20, текущая благосклонность составляет 60, достигнут целевой показатель задания, завершить ли текущее задание?

Гу Шаоянь мысленно выбрал нет. Самое интересное только начиналось, с чего бы заданию заканчиваться.

Гу Шаоянь прекрасно понимал, какими аргументами Гу Янцин убедил самого себя: не иначе как используя его чувства, чтобы посеять раздор между ним и остальными, оставить его в полной изоляции, а затем воспользоваться моментом и захватить власть. Его это несколько не волновало — в конце концов, он знал замыслы Гу Янцина куда лучше, чем тот думал, и уровень благосклонности отлично это подтверждал.

Они вступили в период медового месяца. Прежний хозяин тела всегда пользовался особой любовью и благосклонностью, поэтому дворец, где он жил прежде, был лучшим среди всех палат принцев: не просто величественным и изысканным, с роскошным убранством, но даже с небольшим искусственным горячим источником.

Верхушки изумрудного бамбука сплетаются у облаков, легкие цветы и нежные побеги стремятся ввысь.

Из глубины густой бамбуковой рощи доносились едва слышные стоны, смутно смешанные с плеском воды.

Если бы кто-нибудь подошел ближе, он бы увидел горячий источник: в клубящихся облаках пара две фигуры сплелись друг с другом, и стоило услышать те сладострастные звуки, как даже глупец понял бы, чем они занимаются.

Гу Шаоянь последние несколько дней провел весьма комфортно. Если не считать вечно докучавших ему сановников, изысканное вино, вкусная еда и красавцы — разве можно было описать это одним лишь словом «кайф»?

Гу Янцин был человеком свободным от предрассудков. Найдя для себя оправдание, он совершенно естественно прижался к нему, и, почти не сопротивляясь, они покатались в

постель. Хотя он и испытывал некоторое недовольство из-за того, что оказался внизу, но, подумав о том, что ему еще предстоит использовать чужую влюбленность и нельзя злить этого человека, он быстро успокоился. Гу Шаоянь отчасти догадывался о его намерениях: то, что партнер сам лег добровольно, было для него, конечно же, самым лучшим исходом, не требующим лишних разговоров.

Надо признать, фигура Гу Янцина поистине была превосходна. Стройные и сильные конечности, гибкая талия, прекрасная внешность, а когда он раскрепостился, то проявил инициативу и страсть.

Гу Шаоянь прижал Гу Янцина к гладкому камню у края бассейна, с силой толкаясь сзади — благодаря смазке из воды входы и выходы стали еще податливее. У Гу Янцина покраснели глаза, он лежал на краю водоема, тихонько стоня, а его длинные пушистые ресницы покрылись капельками влаги — то ли от слез, то ли от пара.

Гу Шаоянь приподнял одну его ногу, чтобы войти еще глубже, заставив Гу Янцина задрожать еще сильнее. Гу Шаоянь наклонился и прикусил его ухо, а посчитав это недостаточным, принялся ласкать его языком, целуя от затылка до самых лопаток. Нижняя часть тела при этом не прекращала движений, вздымая брызги.

Доведя Гу Янцина до еще одного семяизвержения, Гу Шаоянь и сам кончил среди сладких всасываний.

Гу Шаоянь с довольным видом поцеловал его в уголок глаза. Затем, прямо в воде горячего источника, они оба омылись, после чего он подхватил на руки разомлевшего Гу Янцина и удалился.

<http://bllate.org/book/24652/2900821>